

приговаривался к смертной казни, а свободный за совершение насилия над чужой рабыней-девушкой лишь уплачивал (если он был богат) вознаграждение хозяину потерпевшей. Если же виновным был свободный бедняк, то за подобное преступление он предавался телесному наказанию — битью палками.

Рабы всегда сами (а не их господа) отвечали за уголовные преступления⁶. Как рабы, так и *humiliores* особенно жестоко наказывались за поджог и вооруженный мятеж; за это им грозило сожжение или распятие на кресте⁷. Разбойники (*latrones*), нападавшие на дома и виллы богатей, предавались смерти⁸. Рабы, не только покусившиеся на жизнь своего господина, но лишь замыслившие его убийство, сжигались⁹. Сожжение живым грозило и тому рабу, который слышал призывы своего господина о помощи, но не спас его¹⁰.

За похищение свободной женщины или девушки и за прелюбодеяние со свободной женщиной раб всегда подвергался смертной казни¹¹.

За другие, менее тяжкие преступления суд мог заменить смертную казнь рабам и *humiliores* каторжными работами в рудниках (*condemnatio in metallum, condemnatio in opus metalli, condemnatio in ministerium metalli*). Присуждение к каторге на вечные времена для свободного бедняка обычно было связано с потерей свободы. Преступники, приговоренные к пожизненной каторге, получали название *servi poenae* (рабы вследствие наказания)¹².

По предписанию Юстиниана, присуждение к каторге на определенный срок для свободных лиц не влекло за собой обращение в рабство¹³. Продажа в рабство за пределы империи как вид наказания за уголовные преступления в VI в. уже вышла из употребления. Ссылка на каторжные работы применялась исключительно к рабам и низшим слоям свободных (*humiliores*); лица из высших классов этому наказанию не подвергались.

Сохранялось в силе жестокое правило римского времени, что все свидетельские показания рабов давались только под пыткой. Судья не нес ответственности, если раб умирал во время пытки¹⁴. Из «Тайной истории» Прокопия мы видим, что при Юстиниане пытки рабов в судебных процессах оставались распространенным явлением¹⁵.

Таким образом, жестокость римской системы наказаний за уголовные преступления в VI в. объясняется уже не влиянием древних традиций кровной мести и сакральных наказаний, связанных с искупительными жертвами, а все более обостряющимися социальными противоречиями той эпохи.

Огромное влияние на уголовное законодательство оказала острейшая социально-политическая борьба в империи и рост императорского деспотизма. Недаром в *Corpus Juris civilis* Юстиниана, обобщившем императорские конституции по уголовному праву, самые суровые наказания пола-

⁶ Dig., XLIV, 7.14.

⁷ CJ, III, 41.4; Dig., XLVIII, 19.28, praef. Capitalium poenarum fere isti gradus sunt: summum supplicium esse videtur ad furcam damnatio, item vivi crematio. Igni cremantur plerumque servi, qui salutem dominorum suorum insidiaverint, nonnumquam etiam liberi plebei, et humiles personae (Dig., XLVIII, 19.28, § 11).

⁸ Dig., XLVIII, 19.27.2.

⁹ Dig., XLVIII, 19.28.11.

¹⁰ Dig., XXIX, 5.14.

¹¹ Dig., 1.12.1, § 5; CJ, III, 51.5. См. З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 84—85.

¹² Dig., XLVIII, 19.17.

¹³ Nov. Just., 22, с. 9.

¹⁴ Dig., XLVIII, 18.17.

¹⁵ РГОСОР, Н. а., VIII, 25. См. И. Е. Тимошенко. К истории судебной пытки. I. Взгляды древних на пытку. II. Пытка по римскому праву. Полтава, 1899.